

АЛЕКСАНДРА КРАКОВЯК
Санкт-Петербург (Россия)

ИНВЕКТИВА КАК ЛИРИЧЕСКИЙ ЖАНР: СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ XIX–XX ВВ.)

Термин «инвектива» в польском литературоведении имеет только одно значение: «jest to wystąpienie przeciwko komuś (osobie lub grupie czy instytucji) szczególnie napastliwe, posługujące się pozornymi argumentami, zmyśleniem, pomówieniem; ponadto wypowiedź w języku obraźliwym w celu zniesławienia»¹. В российском литературоведении этот термин употребляется в двух различных значениях: 1) как синоним гневной, обличительной речи (ср.: «Инвектива (от лат. *investivo* – нападки, брань) – резкое обличение, осмеяние кого-либо или чего-либо в стихах или в прозе»²); 2) как синоним лирического жанра. Во втором значении термин использовали исследователи античной литературы³, а также исследователи творчества Ф. Тютчева, М. Лермонтова, А. Пушкина, В. Маяковского и другие⁴. Второе значение термина – инвектива как литературный жанр – предполагает выделение из большой группы текстов обличительного характера более узкую группу текстов, обладающих следующими жанровыми признаками:

а) признаки константные – гневный пафос, обличение от первого лица, наличие персонафицированного адресата, субъектно-объектные отношения «я-ты/вы»;

б) признаки доминантные – настоящее время (нередко с переходом в будущее), наличие угрозы⁵.

Примеры инвективы в широком смысле этого слова – как типа речи – это *По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая* (Ф. Тютчев, 1855), *Сытые* (А. Блок, 1905), *Przekleństwo* (А. Słonimski, 1939–43); примеры инвективы в узком смысле этого слова – как жанра – это, например, *Наполеон III* (Ф. Тютчев, 1872),

¹ J. Sławiński, *Słownik terminów literackich*, Wrocław 1998, s. 131.

² *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, гл. ред и сост. А. Н. Николюкин, Москва 2003, с. 302

³ См., например: И. В. Шталь, *Поэзия Гая Валерия Катулла*, Москва, 1977, с. 222–225 и др.; М. Л. Гаспаров *Средневековые латинские грамматики в системе средневековой грамматики и риторики*, [в:] М. Л. Гаспаров, *Избранные труды*, Москва 1997, т. 1, с. 644 и др.

⁴ См., например: В. Э. Вацура, *Жанры*, [в:] *Лермонтовская энциклопедия*, Москва 1999, с. 161 т. 1, 162; Л. В. Пумпянский, *Поэзия Ф. И. Тютчева*, [в:] его же, *Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы*, Москва 2000, с. 231–233; С. А. Субботин, *Поэзия Маяковского как система жанров. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук*, Москва 1980, с. 9–10 и др.

⁵ См., например: С. А. Матяш, *Жанр инвективы в русской поэзии: вопросы статуса, типологии, генезиса*, [в:] *Феномен русской классики*, Томск 2004, с. 17–32; Н. А. Анненкова, *Сатира и инвектива в поэзии М. Ю. Лермонтова: Автореф. дис. канд. филол. наук*, Самара 2004; Г. М. Бралина, *Жанр инвективы в русской лирике середины XIX века. Автореф. дис. канд. филол. наук*, Самара 2008 и др.

Довольным (В. Брюсов, 1905), *Kłątwa* (J. Gruszczyński, 1939–1944) и т.п. В текстах второго типа за счет наличия прямого эксплицитного адресата, к которому субъект обращается на «ты», как бы бросая обвинение ему в лицо, выстраивается особый тип субъектно-объектных отношений, обуславливающий жанровую принадлежность⁶.

Жанр инвективы, уходящий корнями в античную поэзию и фольклорный текст⁷, является жанром маргинальным. Тем не менее очевидно его присутствие в европейском литературно-эстетическом сознании XIX и XX вв., образцы этого жанра (в соответствии с приведенными выше жанровыми признаками) мы находим на протяжении всего этого периода в творчестве как ведущих, так и второстепенных поэтов. В последние десятилетия, отмеченные интересом литературоведения к проблемам жанра в целом⁸, растет интерес к неканоническим, маргинальным жанрам и их роли в жанровых процессах литературных эпох. Этим, по-видимому, продиктован и растущий в последние годы интерес литературоведов к инвективе⁹; тем не менее, на сегодняшний день жанр этот нельзя назвать хорошо изученным.

Предлагаемый вниманию читателей текст является фрагментом диссертационного исследования, автор которого поставил своей целью теоретическое осмысление жанра инвективы и построение его модели как некоего инварианта, общего для всех образцов и не зависящего от специфики литературной эпохи и стиля того или иного поэта¹⁰. Для достижения этой цели нам понадобился максимально большой временной охват, а также

⁶ См. об этом подробнее в: А. С. Краковяк, С. А. Матяш, *Проблема жанра инвективы в свете субъектно-системного подхода (на материале русской и польской поэзии периода второй мировой войны)*, [в:] *Проблемы поэтики и истории русской литературы XIX–XX веков. Международный сборник научных статей*, Самара 2005, с. 70–85.

⁷ См. об этом: А. С. Краковяк, *Архетипы сознания и литературный жанр: в поисках источников жанра инвективы*, [в:] *Вестник Оренбургского Ун-та* 2006, № 11, с. 93–101.

⁸ В российском литературоведении только в 2009 г. появилось несколько десятков диссертационных исследований и сборников статей, посвященных различным аспектам проблемы жанра (см., например: В. Б. Байкель, *Типология литературных жанров XVIII–XX веков: избранные статьи*, Санкт-Петербург 2009; *Образ и жанр в русской прозе XX–XXI веков: сборник статей*, Санкт-Петербург 2009; А. В. Громова, *Жанровая система творчества Б. К. Зайцева: литературно-критические и художественно-документальные произведения. Автореф. дис... д-ра филол. наук*, Орел 2009 и др.). В польском литературоведении устойчивый интерес к этой проблеме подтверждают цикличные сборники научных трудов по жанрологии (см., например: *Polska genologia literacka*, red. nauk. D. Ostaszewska, R. Cudak, Warszawa 2007; *Język, styl, gatunek: katowickie spotkania doktorantów*, pod red. M. Kity, Katowice 2009; *Polska genologia: gatunek w literaturze współczesnej*, red. nauk. R. Cudak, Warszawa 2009 и др.).

⁹ Кроме указ. соч. см. также: С. А. Матяш, *Жанр инвективы в поэзии Ф. И. Тютчева*, [в:] *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2007, № 11, с. 36–43; Г. М. Бралина, *Наблюдения над субъектно-объектными отношениями в жанре инвективы середины XIX века*, [в:] *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2008, № 82, с. 12–13 и др.

¹⁰ Модель жанра в случае инвективы, не имеющей жанрового канона, может быть лишь «логически реконструирована на основе сравнительного анализа реально выступающих произведений – образцов жанра» (Н. Д. Тмарченко, *Жанр*, [в:] *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*, Москва 2008, с. 358).

выход за пределы одной национальной литературы, поэтому в материал нашего исследования входит как русская, так и польская поэзия XIX и XX вв. Выше сформулированная цель исследования предполагает решение ряда более частных задач; одной из таких задач явилось рассмотрение семантической структуры инвективы как лирического жанра и выявление ее специфики. Настоящий фрагмент посвящен решению этой задачи.

1. Обвинение (обличение, осуждение, упрек) как основной семантический компонент и способы его выражения: лексика и семантика

Обвинение (обличение, осуждение, упрек), обращенное к конкретному персонифицированному адресату, является одним из главных признаков инвективы как лирического жанра. Важной характеристикой его является эксплицитность (в отличие, например, от иронии в сатирических жанрах, где обличение дается под видом нейтральных замечаний или похвалы). В инвективе лирический субъект выражает свое отношение напрямую, без скрытых намеков и попытки замаскировать значение и цель высказывания. Рассмотрим, каковы лексические и семантические способы выражения обвинения в инвективе. Лексически это выражается прежде всего в обращении-номинации¹¹.

Обращение как своеобразный речевой акт обладает рядом особенностей: чтобы обратиться к собеседнику, «его необходимо назвать, т.е. употребить ту номинацию, которая, с точки зрения адресанта, наиболее соответствует социальному статусу и роли адресата (для незнакомого определяемые «на глаз», для знакомого – известные, при этом избираемые из синонимического ряда как наиболее уместные в данной обстановке общения»¹². Таким образом, обращение-номинация называет адресата; маркирует социальные параметры адресата по отношению к адресанту, в том числе симметрию / асимметрию ролевых позиций; устанавливает определенные отношения между субъектом речи и адресатом, определенным образом характеризует как адресата, так и адресанта, а также может являться средством воздействия субъекта на адресата.

¹¹ Под «номинацией» в настоящей статье понимается как лексическая (выражаемая словом), так и препозитивная (выражаемая словосочетанием или предложением) номинация (см. об этом: В. Г. Гак, *К типологии лингвистических номинаций*, [в:] *Языковая номинация*, Москва 1977, с. 311–312).

¹² Н. И. Формановская, *Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода*, [в:] *Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения*, Москва, 1998, с. 86.

Первичная номинация¹³, как правило, ограничивается до номинации лексической, которая прежде всего называет и определенным образом маркирует социальную позицию адресата (ср.: «Поэт» (Д. Мережковский, *Совесть*, 1887), «liryсу» (L. Sowiński, *Do liryków dzisiejszych*, 1870–80-е гг.), «O, profesorowie mądrzy i uczeni!» (H. Blumengraber, *Do profesorów*. 1939–1945), «Rzeszo» (T. J. Demczyk, *Trzecia Rzesza*, 1942), «Niemiecki ludu» (J. Gruszczyński, *Klątwa*, 1939–1944) и т.п.). Гораздо ярче группа вторичных, как правило, препозитивных, номинаций, выполняющих все вышеупомянутые функции номинации. Вторичная номинация в инвективе нередко выполняет еще одну важнейшую функцию: выражение обвинения / обличения. Эта функция номинации реализуется за счет:

- 1) номинанта - имени существительного, которое по своему прямому лексическому значению является однозначной, резко отрицательной характеристикой лица:
 - «matkobójce» (J. Kasprowicz, *Oni i my*, 1885);
 - «wrog» (Autor nieznan, *Odpowiedź polskich psów*, 1942); также: «враги» (К. Бальмонт, *Проповедникам*, 1899; также: «враг» (З. Гиппиус, *Петербург*, 1909);
 - «тиран» (М. Лермонтов, *30 июля (Париж) 1830 года*, 1830; также «tyrani» – (S. Buczyna, *Pieśń wolnego ducha*, 1889) и др.;
 - «злодей» (Неизвестный автор, *Акrostих на Аракчеева*, 1823);
 - «притеснители» (П. Вяземский, *Негодование*, 1820)
 - «коварный льстец» (М. Милонов, *К Рубеллию*, 1810);
 - «грабитель» (Ф. Тютчев, *На новый 1816 год*, 1816)
 - «hołoto» (S. R. Stande, *Nadzwyczajne wydanie*, 1920-е гг);
 - «katownio» (А. Наврылук, *Bereza*, 1937);
 - «zdrajcy» (К. Wierzyński, *Na proces moskiewski*, 1937);

и т.д.

- 2) номинанта – имени существительного с присоединенным к нему эпитетом. Существительное в этом случае может быть нейтральным, и тогда функцию обвинения / обличения берет на себя эпитет. Так, существительное «цари» превращается в обвинение в сочетании с эпитетом «беззаконные»:

- «Вы, беззаконные цари...» (П. Лавров, *Пророчество*, 1854); ср. также:
- «проклятый город» (З. Гиппиус, *Петербург*, 1909);
- «Ameryko syta i tępa, / Europo ślepa i krwawa» (W. Broniewski, *Prawodawcom*, 1920-е) и т.д.

¹³ О лингвистических понятиях „первичной” и «вторичной» номинации см. например: В. Г Гак, *К типологии лингвистических номинаций...* и др.

Однако такое разделение функций между существительным и эпитетом не является единственно возможным: существительное может быть обвинением / резко отрицательной характеристикой само по себе, эпитет же только усиливает эту окраску:

«надменный временщик и подлый, и коварный» (К. Рылеев, *К временицику*, 1920);

«хитрый временщик!», «убийца дерзостный» (С. Ситников, *Послание к самозванцу Голиштейн-Готторпу, что бесстыдно Романовым себя называет*, 1830);

«O czyste dusze kalająca plamo! / O fałszu, z kłamstwa szatańskiej / Mocny poczęty» (J. Kasprowicz, *Bądź pozdrowiona!* 1880-е);

«okrutny tchórz» (Т. Нофуй, *Na pewno*, 1944) и т.д.

3) номинанта – имени существительного с дополнением. В этом случае существительное также может быть нейтрально, и тогда обвинительную нагрузку несет только дополнение:

«поборник лжи и мрака» (Н. Добролюбов, *На пятидесятилетний юбилей его превосходительства Н. И. Греча*, 1854);

«Охотник до кровавой тризны» (А. Стронин, *Державная ворона*, 1886);

«Царь жандармов и штыков» (Неизвестный автор, *Всероссийский алкоголик*, 1908);

«kulturo krzywdy i zbrodni!» (W. Broniewski, *Prawodawcom*, 1920-е);

и т.п.

Однако негативную коннотацию может нести само существительное-«имя», дополнение же усиливает эффект за счет контраста: так, в номинациях «Изменник Франции, присяге, враг законов!» (П. Лавров, *Пророчество*, 1854) или «свободы, гения и Славы палачи!» (М. Лермонтов, *Смерть поэта*, 1837) или «отступница святыни» (Н. Огарев, *Отступнице*, 1857) имя («палачи», «изменник», «отступница») как обращение с восклицанием является само по себе обвинением. Дополнение, выражающее явление, пользующееся общим уважением, любовью, симпатией («свобода», «гений», «закон», «присяга», «святыня» и т.п.) усиливает посредством контраста обличение («палачи свободы, гения, славы», «враг законов», «отступница святыни») суть двойные обвинения¹⁴.

4) номинанта – имени существительного с причастным оборотом, который, в отличие от рассмотренных выше случаев, включает в себя уже и описание порицаемого действия:

¹⁴ Об антитезе как одном из приемов воздействия см. ниже.

«Народ, безумствуя, сквернящий сень могил» (Н. Белоголовый, *Роскошный катафалк под аркой триумфальной...*1885);

«Царь, вспоенный коварною лестью рабов, / Бог земной, лишь себя обожавший!»,
«Властелин, беспощадной железной рукой / Свой народ неповинный сковавший!», (А. Ольхин, *У гроба*, 1885);

«Ты шулер, и неловкий, / Достойный уж давно хорошей потасовки, / Как прочие твои собратья - шулера!» (А. Барыкова, *Литературному прохвосту*, 1880-е);

«obywatele, tuczący katary żołądków» (L. Piwowar, *Zdanie wiecowe*, 1930-е гг);

«ronury żołądku, / Żyjący kosztem innych ludów od stuleci» (J. Szczawiej, *Pieśń o obronie Warszawy*, 1943) и т.п.

5) местоимения «ты / вы» с эпитетом или причастным оборотом, содержащим резко отрицательную характеристику лица:

«Вам, проживающим за оргией оргию, / имеющим ванную и теплый клозет» (В. Маяковский, *Вам!* 1915);

«Вы, Рим предавшие Помпею / Во власть секиры и огня!» (В. Брюсов, *Юлий Цезарь*, 1905);

«Вы, наводящие на все живое трепет!» (А. Богданов, *После боя*, 1906);

[...]
Wy, wyniesieni na padół,
zapatrzeni w wieczności pepek,
[...]
Gadający co niedziela z Bogiem,
nieostępni –
indywidualni –
postępowoparalityczni –¹⁵
[...]

E.Szymański, *Do mieszkańców Marsa*, 1920-30e;

«Wy, którzy wierzycie w słońce gdy na nim kontroler nie jedzie, / którzy oprawiacie je w zysków tom....» (T. Peiper, *Zwyżka dolara w roku 1925*, 1925);

6) метафоры:

а) сравнивающей / отождествляющей адресата с отрицательным историческим персонажем: «[...] опричник злобный, лютый» (В. Богораз, *На смерть Судейкина*, 1885);

«Ксерксы» (Вяч. Иванов, *Палачам*, 1905–06);

«Герострат» (Неизвестный автор, *Иакову Ростовцеву в день его юбилея, 23 декабря 1856 года*, 1856);

¹⁵ Цит. по: *Antologia polskiej poezji rewolucyjnej 1918–1939*, Wrocław 1982, s. 280–284.

«ród bestii Krzyżaków» (J. Gruszczyński, *Kłątwa*, 1939–1944) и т.п.;

б) сравнивающей / отождествляющей адресата с отрицательным библейским персонажем:

«Стены Каиновы» (Вяч. Иванов, *Стены Каиновы*, 1906 (?));

«Иуды» (З. Гиппиус, *Свеча ненависти*, 1918);

в) сравнивающей / отождествляющей адресата с отрицательным мифическим персонажем:

«ты Какодемон их» (В. Кюхельбекер, *Клеветнику*, 1846);

«Коварный змей, с волшебным взглядом!» (В. Брюсов, *Городу (Дифирамб)*, 1907);

«гробовые вурдалаки!» (Н. Клюев, *Из «Красной газеты»*, 1918);

г) отождествляющей адресата с животным, вызывающим страх или презрение / отвращение:

«Я гневаюсь на вас, гнусавые вороны» (Н. Клюев, *Клеветникам искусства*, 1930-33);

«О племя мокриц и болотных улиток!» (Н. Клюев, *Из «Красной газеты»*, 1918);

«заячья падаль!» (З. Гиппиус, *Боятся*, 1918);

«Ślimaki w wieczne marzeń zamkniętej skorupie, / Zakamieniali jako Stylita na słupie» (J. Szujski, *Do egzaltowanych*, 1861–63);

«My orły, wyście podłe jastrzębie! [...] My lwy, a wyście podłe hieny» (J. Kasprówicz, *Do naszych wrogów*, 1879);

«Ty, psie germański o wścieklej paszczy, / Ty, genialna, mordercza mać...» (T. Staich, *Wydarty pięściom wiersz*, 1939–45) и т.д.

Вероятно, этот список может пополняться при расширении корпуса текстов инвектив. При этом наш материал позволяет фиксировать, что с точки зрения семантики обличение / обвинение предстает как приписание адресату «имени» или эпитета:

– позиционирующего его по стороне зла, насилия, жестокости (тиран, палач, злодей, убийца, чертова родня, подлый, жестокий, лютый и т.п.),

– приравнивающего его к животным/мифическим существам, вызывающим страх, презрение, брезгливость (гиены, псы, мокрицы, жабы, улитки, вурдалаки и т.п.),

– определяющего его как человека / существо недостойное (опричник, шулер, солдафон, провокатор и т.п.).

В каждом из случаев общая направленность высказывания (иллюция) сфокусирована на уменьшении социального статуса адресата посредством отчуждения / отказа в сходстве с социальным идеалом, принятым в данной этнокультурной среде. При

этом в первом и втором случае адресант оперирует универсальными понятиями, сложившимися в индоевропейской культуре на протяжении веков, тогда как в последнем – понятиями, характерными для данного исторического периода и социального слоя. Именно поэтому последняя группа лексем – наиболее размытая и непостоянная. Здесь преобладают нейтральные в эмоционально-оценочном отношении лексемы, поэтому восприятие номинации данного типа как обвинения обусловлено либо несоответствием номинации определенному социальному идеалу, на который стремится быть похожим адресат, либо контекстом произведения. Так, выражения Маяковского: «вам [...], имеющим ванную и теплый клозет», «думающие нажраться лучше как», – звучат как обличение для социальной группы, в которой привязанность к материальным вещам и пище считается низменной, недостойной и некрасивой (в данном случае это подчеркивается и усиливается за счет стилистически сниженных «нажраться», «клозет», выражающим отношение субъекта к этой сфере жизни). Та же ситуация – в инвективе Л. Пивовара *Zdanie wiecowe*: «Obywatele tuczące katary żołądków» звучит обвинением для людей, которые считают излишества в еде грехом и подлостью, особенно в контексте голодных 20-х годов XX столетия.

Клеймящее, позорное, уничижительное имя в сочетании с местоимением «ты» / «вы» является обвинением, бросаемым в лицо адресату. Пафос его усиливается за счет стилистико-синтаксических приемов: восклицаний, добавления эмотивных междометий («О, чем заплатишь ты, тиран...» (М. Лермонтов, *30 июля (Париж) 1830 года*, 1830), «О, жалкий сонм политиков слепых!» (Л. Мей, *Союзникам*, 1855), «O, bezlitosny, niemu i głuchy, / O, niewidzialny!» (А. Lange, *Z dymem pożarów*, 1889) и т.п.); нагнетания (амплификации) негативной номинации (ср.: «Царя коварный льстец, вельможа напыщенный, / В сердечной глубине таящий злобы яд, / Не доблестями души, пронырством вознесенный, [...]» (М. Милонов, *К Рубеллию*, 1810) и т.п.

В некоторых случаях обвинение-номинация исчерпывает тему¹⁶. В большинстве же случаев, однако, заявленная тема требует дальнейшей разработки, а обвинение, брошенное в лицо, нуждается в **доказательстве**. Оно в инвективе также находит свое выражение в ряде типовых форм.

Доказательством является:

¹⁶ Ср., например, *Акростих на Аракчеева* неизвестного автора (1823).

(1) перечисление недостойных, преступных поступков, содеянных адресатом инвективы:

[...]

Всегда на всякое готовый преступлень,
С свободой, с истиной ты вел упорный бой,
Ты женщин и детей душил без сожаленья
Своей кровавою рукой!

[...]

В. Богораз, *На смерть Судейкина*, 1885¹⁷;

[...]

Ты много снес голов стрелецких,
Ты много крепких рук сломил,
Сердец ты много молодецких
Ударом смерти поразил;

[...]

К. Аксаков, *Петру*, 1845¹⁸;

[...]

Więc do oficyn, między swe lokaje,
Schodzicie słabi i z chłopskich bękartów
Przednią dla siebie chodujecie zgraje –
Wytresowanych jaźwców, sfore chartów,

[...]

J. Kasprówicz, *Panom i lokajom literackim*, 1885¹⁹;

(2) перечисление действий, которые адресат не совершил, хотя должен был это сделать:

[...]

Ты слова гордого *свобода*
Ни разу сердцем не постиг.

Не возносился богомольно
Ты в ту свежующую мглу,
Где беззаветно лишь привольно
Свободной песне да орлу.

А. Фет, *Псевдопозту*, 1866²⁰;

[...]

W twym życiu, w którym nie ma i nie było treści,
Zapłakałaś ty kiedy nad łzami sieroty?
Usta z róż całowały szczerze krzyż boleści?

A. Michaux, *Siwy włos (Nieznany Nieznajomej)* 1860-e²¹;

(3) перечисление трагических последствий / результатов действия или бездействия адресата:

[...]

Не ты ль виноват, что голодный

¹⁷ Цит. по: *Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков*, Ленинград 1988, т. 2, с. 365.

¹⁸ Цит. по: *Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков...*, т. 1, с. 455.

¹⁹ J. Kasprówicz, *Utwory literackie*, Kraków 1973, т. 1, s. 321.

²⁰ А. Фет, *Стихотворения и поэмы*, Ленинград 1986, с. 279.

²¹ Цит. по: *Księga wierszy polskich XIX wieku*, ułożył J. Tuwim, Warszawa 1954, т. I, s. 537.

Погиб у забора щенок?
Что где-то, зарею холодной,
Под петлей хрустит позвонок?
З. Гиппиус, *Псалмопевцу*, 1912²²;

[...]
Miast stygnące popioły. Kościołów ruiny.
Pod zgruchotaną ścianą dziecięca kołyska.
Oto wasze zwyczajne, bohaterskie czyny,
Oto wasza epoka – podobno już bliska.
[...]
J. Szczawiej, *Niemcom*, 1939–45²³;

(4) мотивированная отрицательная оценка с виду нейтральных действий:

[...]
И говорят они: твой пир есть расхищенье
Народного труда, народных свежих сил,
[...]
П. Лавров, *Новому царю. 26 августа 1856 года*, 1856²⁴;

[...]
Твое холодное кипенье
Страшной бездвижности пустынь.
Твое дыханье - смерть и тленье,
А воды - горькая полынь.
[...]
З. Гиппиус, *Петербург*, 1909²⁵;

[...]
Za buteleczki lekkich win –
Rachunek ciężkich win jak klin
Za samochody, konie, dryndy,
[...]
A. Słonimski, *Czarna wiosna*, 1919²⁶

(5) риторические вопросы, опирающиеся на концепт «как ты мог / как ты посмел [сделать то-то и то-то]?»:

«Как тебе достало духу / Руси подличать в глаза?» (А. Фет, *Автору стихов "Безыменному критику"*, 1842);

«Вы, наводящие на все живое трепет! / Как смели вы прервать невинный детский лепет / И погасить лучи лазурных кротких глаз?» (А. Богданов, *После боя*, 1906) и т.п.

(6) риторические вопросы, опирающиеся на концепт: «что ты сделал достойного?»:

²² З. Гиппиус, *Стихотворения*, С.-Петербург 1999, с. 171

²³ Цит. по: *Poezja Polski walczącej 1939–1945: Antologia*, Warszawa 1974, т. I, s. 673

²⁴ Цит. по: *Вольная русская поэзия...*, т. 2, с. 152.

²⁵ З. Гиппиус, *Стихотворения...*, с.117

²⁶ Цит. по: *Polska poezja rewolucyjna 1878–1945*, pod red. S. Klonowskiego, Warszawa 1966, s. 696.

«Ответствуйте: где дань отчаянной вдовы? / Где подать сироты голодной?» (П. Вяземский, *Негодование*, 1820);

«Скажи нам, немец обруселый, / Что для России ты свершил? / Когда и в чем ты в век свой целый / Любовь свою к ней проявил?» (Н. Добролюбов, *На пятидесятилетний юбилей его превосходительства Н.И.Греча*, 1854) и т.д.;

(7) императивы, описывающие потенциально возможные, ожидаемые недостойные / заведомо порицаемые действия адресата:

«Ликуйте же! Теперь вам не к чему лукавить, / И правду возводить тайком на эшафот, / И ваш обманутый народ / Газетной клеветой дразнить или забавить.» (Л. Мей, *Союзникам*, 1855);

«Револьвер, пушка, ручная граната ль, – / Добру своему ты господин. / Иди, выходи же, заячья падаль! / Ведь я безоружен! Я один!» (З. Гиппиус, *Боятся*, 1918);

«Szalejcie, tyrani, niech pastwi się kat, / Szykujcie okowy, spętajcie w nie świat!» (S. Buczyna, *Pieśń wolnego ducha*, 1889).

В лексическом плане доказательства опираются на лексику (высокую, нейтральную, низкую), определяющую однозначно негативное действие («служить врагу», «подличать», «дерзко заглушить»), дающую поведению или действиям адресата презрительную, уничижительную оценку («расхищение», «смерть и тление», «стадо»).

Несмотря на разнообразие тематики, в большинстве инвектив просматривается наиболее характерный, повторяющийся прием: антитеза²⁷. Наиболее эксплицитна она в названиях: *My i Oni* (J. Szujski, 1860-е), *Oni i ty* (J. Kasprowicz, 1885), *Nam i wam* (E. Szymański, 1930-е), *Перуанец к испанцу* (Н. Гнедич, 1805), *Иным* (Э. Губер, 1844), *Нет, я не с вами...* (С. Петров, 1902), *Два стана* (А. Богданов, 1911) и т.п. В текстах антитеза реализуется на уровне синтаксическом – за счет синтаксического параллелизма (ср.:

Вам – «чары навии», рукоплескания,

²⁷ Прием антитезы характерен не только для инвективы: например, замечания об антитезе в одической лирике: Н. Кожевникова, «Оды торжественные» А. П. Сумарокова: язык и стиль, [в:] Александр Петрович Сумароков (1717–1777): Жизнь и творчество, Москва 2002, с. 107; Т. Kostkiewiczowa, *Oda w poezji polskiej. Dzieje gatunku*, Wrocław 1996, s. 231–232 и др. По мнению Б. О. Кормана противопоставление характерно для лирики вообще: «сущность лирики, прямо сопоставляющей норму и антинорму» проявляется на уровне прямооценочных слов и синтаксических конструкций. Их последовательность «образует лирический сюжет, в котором реализуется конфликт – столкновение хорошего и дурного, добра и зла» (Б. Корман, *Избранные труды. Теория литературы*, Ижевск 2006, с. 230). Ср. также: «такой способ изложения приятен, потому что портиположности чрезвычайно доступны пониманию, а если они стоят рядом, они [еще] понятнее, а также потому, что [этот способ изложения] походит на силлогизм, так как избличение есть соединение противоположностей» (Аристотель, *Поэтика. Риторика* (пер. с др.-греч. В. Апфельрота, Н. Платоновой), Санкт-Петербург 2007, с. 289).

Пиры безумные, цветы ажурные...
Нам – жизнь в безвестности, снега изгнания,
Могилы братские, скитанья бурные
[...]
А. Богданов, *Два стана*, 1911²⁸;

или:

wam
cieple kobiety o włosach mglistych jak krwawnik
w błękitnym obłoku żądz.
nam
świeci w oczu jaskrawą nagrodą:
dziwka, szpicel i ksiądz.
[...]
M. Czuchnowski, *Czerwona odpowiedź: policzek wam*, 1930-e²⁹

и т.п.).

Еще более последовательна антитеза на уровне семантическом, которая строится посредством противопоставления концептов: «грех-святость», «сила-слабость», «власть-рабство», «богатство-бедность, нищета» и т.д. Например, в инвективе *Совесть* (1887) Д. Мережковский последовательно противопоставляет изнеженность, пресыщенность, праздность, достаток, беспечность, бесчувственность и фальшь поэта – голоду, горю, нищете, страданиям и скорби народа: в рамках одной строки – лексически («В уютной комнате ты для голодных пел», «Стенаньям гибнущих бесчувственно внимал»), в рамках нескольких строк – лексически и синтаксически через употребление союзов «но», «а в значении но» («И призрак нищеты в лицо тебе глядит, – / А ты... Изнеженный, больной и пресыщенный...»). Именно на этом концептуально-идеологическом контрасте строится весь пафос обвинения, в результате на этом антитетичном фоне экспрессивно-нейтральная лексика приобретает эмоциональную, оценочную окраску. Прием антитезы типичен для поэтики инвективы вообще, играя часто уже роль сюжетно-композиционную, ср.:

[...]
Ты сладко, звонко пел, как соловей весною,
Про солнце, про любовь, цветы и ручейки...
А родина твоя – страдалица немая –
Под снежным саваном стонала, замерзая
А. Барыкова, *Жрецу эстетики*, 1884³⁰;

или:

Ach, wy pytacie, dokąd ziemia bieży,
Gdy tłumy stoją w obdartej odzieży,
Gdy głód swój palec kładzie im na lica,
Tam odpowiedzi gorzka tajemnica!

Ach, wy pytacie, gdzie jest źródło siły,
Gdy tłumy za was idą do mogiły,

²⁸ Цит. по: *Революционная поэзия 1890–1917*, Ленинград 1954, с. 257

²⁹ Цит. по: *Antologia polskiej poezji...*, s. 188

³⁰ Цит. по: *Поэты-демократы 1870–1880 годов. Сборник*, Ленинград 1968, с. 676

Gdy na swych barkach wieki bez wytchnienia
Dźwigają wasze szczytne zagadnienia!
[...]
A. Niemojewski, *Akademiom*, 1890-e³¹

В последнем примере главная нагрузка антитезы лежит в плоскости синтаксической конструкции: союз «gdy – когда» выступает в значении «в то время как», превращаясь в противительный. За счет этого нейтральные вопросы об источнике силы и жизни противопоставляются голоду и нищете, становясь неуместными и достойными порицания (эффект усиливается за счет анафорически повторяющегося иронического междометия «ах» и восклицания).

Характерным приемом инвективы является группировка различных семантических концептов в семантические группы, интуитивно воспринимаемые как поля «хороший – плохой», которые А. Wierzbicka относит к понятиям «элементарных семантических единиц»³². Например, в следующем отрывке *Негодования* П. Вяземского (1820):

Презрев укор людей, забыв небес угрозы,
Испили жадно вы средь пиршеских прохлад
Кровавый пот труда и нищенские слезы;
[...]
Но что вам? Голосом алкающих страстей
Мечь вопиющую вы дерзко заглушили;
От стрел раскаянья златым щитом честей
Ожесточенную вы совесть оградили³³.
[...]

группа (1) «укор людей», «небес угрозы», «кровавый пот труда и нищенские слезы», «мечь вопиющая» и т.п. противопоставляется группе (2) «алкающие страсти», «ожесточенная совесть», «златой щит честей» как «хорошее» (достойное защиты и сочувствия) «плохому» (достойному порицания).

По тому же принципу строится антитеза сем «нежное, красивое, хрупкое» versus «грубое, грязное, неуклюжее, безобразное» в *Hame!* В. Маяковского (1913): «Все вы на бабочку поэтиного сердца / взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош. / Толпа озверев, будет тереться, / ошестинит ножки стоголовая вошь».

2. Угроза возмездия как структурный элемент. Типология угрозы

Брошенное в лицо обвинение, доказанное посредством вышеперечисленных приемов, заканчивается угрозой-выводом: ты будешь наказан за свои злодеяния. Наказанием является предсказание будущих несчастий или гибели адресата.

³¹ Цит. по: А. Niemojewski, *Wybór poezji*, Kraków 1955, s. 527

³² А. Wierzbicka, *Semantyka. Jednostki elementarne i uniwersalne*, Lublin 2006, s.70–73.

³³ Цит. по: *Вольная русская поэзия...*, т. 1, с. 199

Обратим внимание на общие для модели жанра основные мотивы и образы, используемые в составе угрозы, среди которых мы выделяем следующие:

1) предречение скорого вмешательства внешних божественных, над-человеческих сил:

«Святая сила победит!» (В. Кюхельбекер, *Пророчество*, 1822);

«Но есть и Божий суд, наперсники разврата!» (М. Лермонтов, *Смерть поэта*, 1837);

«A gdy za ból, za wszystkie rany / nawet cień będzie już krwawił, / wtedy Bóg was dłońmi pomordowanych / zadławi» (Автор неznану, *Odezwa do Niemców*, 1943–44).

При этом «высшую силу» могут формировать как христианские («Божий суд», «Бог зыблет и громит престолы, он правых, он свободных щит!» и т.п.), так и языческие (в том числе античные) образы: «О, жертвы Тартара!» (Ф. Тютчев, *На новый 1816 год*, 1816), «Падешь, перуном поражен!» (В. Кюхельбекер, *На смерть Чернова*, 1825), «Но есть, поверь мне, есть на свете Немезида...» (В. Кюхельбекер, *Клеветнику*, 1846);

2) предречение будущего порицания / поругания потомками:

«Ты думаешь сокрыть дела свои от мира / В мрак гроба? но и там потомство нас найдет...» (М. Милонов, *К Рубеллию*, 1810); «За зло и вероломство / Тебе свой приговор произнесет потомство!» (К. Рылеев, *К временицику*, 1820);

[...] Z gniazd waszej nauki
Będą was orle wyrzucały wnuki,
W waszych biretach śmiech zamieszka tłumów,
Drwiąc z waszych ślęczeń, dociekań, rozumów!
A. Niemojewski, *Akademiom*, 1890-e

3) предречение забвения, исчезновения из памяти потомков («Твой гроб забвенный здесь покрыла мурава! / – И навсегда со гласом лести / Умолкла о тебе молва!» (Ф. Тютчев, *На новый 1816 год*, 1816);

«И наше пошлое, пустое поколение, / Совсем забытое, исчезнет без следа, / И вновь появятся великие стремленья, / И старая любовь, и старая вражда...» (В. Богораз, *Современному поколению*, 1886);

4) предвидение / предречение скорого народного гнева:

«Когда рабы твои, тобою угнетенны, / Узря представшие минуты вожделенны, / На все отважатся, решатся предпринять / С твоею жизнью неволю их скончать» (Н. Гнедич, *Перуанец к испанцу*, 1805);

«Zadrzyjcie, szlachcice! już naród się poznał / I wyszedł spod waszej opieki; / Wam naród wywdzięczy krzywdy, których doznał, / Lud już was przeklął na wieki» (G. Ehrenberg, *Szlachta w roku 1831*, 1830-е);

«A jak nie zmilkną psie wasze głosy – / Lud rzeknie „veto”, swe – „nie pozwolę!”» (S. Gąsiorowski, *Wy nas nie straszcie...*, 1930-е)

5) угроза мучительной смерти / гибели:

«Возложишь не на одр растерзанные члены, / Где б неге льстил твоей приятный мягкий пух, / Но нет — на жупел раскаленный, / И вечный вопль пронзит твой слух!» (Ф. Тютчев, *На новый 1816 год*, 1816);

«W upadku i rozpaczy, w chorobach i głodzie / Znajdziesz swój tryumf dufny, swój los niedaleki» (J. Szczawiej, *Pieśń o obronie Warszawy*, 1939) и т.п.

6) описание будущих ответных действий со стороны субъекта инвективы:

«Отныне стану наслаждаться / И в страсти стану клясться всем; / Со всеми буду я смеяться....» (М. Лермонтов, *Я не унижусь пред тобою...*, 1832);

«Я захохочу и радостно плюну / В лицо вам [...]» (В. Маяковский, *Hame!* 1913);
«Więc bacz: niedługo już odbijem / Wrocław, Opole, Gdańsk i Szczecin» (Т. Demczyk, *Trzecia Rzesza*, 1942)

«My ci sprawimy polską masakrę...» (Т. Staich, *Wydarty pięściom wiersz*, 1939-45) и т.д.;

7) В качестве отдельного типа угрозы следует, на наш взгляд, рассматривать проклятие. Если угроза отсылает (пусть и с большой степенью вероятности) к будущему, то проклятие есть речевое действие, которое совершается в момент высказывания.

В наиболее значимых работах, посвященных проклятию как языковому явлению, обозначаются два различных подхода к проклятию: первый – как к акту магическому (Engelking) и второй – как к речевому высказыванию (Wierzbicka). В первом подчеркивается множественность участников речевого акта, среди которых, помимо адресата и адресанта, присутствуют сверхъестественные (божественные и «нечистые») силы – исполнители. Проклятие высказывается в ситуации, когда не может не быть высказанным (независимо от воли субъекта высказывания), после же его произнесения акт должен быть исполнен также независимо от воли субъекта. В соответствии с этим подходом основное внимание исследовательницы уделяется конструкциям типа «Чтоб тебя (то-то и то-то)» («Чтобы тебя переборчило»), «Чтоб ты то-то и то-то» («Чтоб ты пропал»), или императивам: «Иди к черту!», «Спи же на веки!», «Всю жизнь будешь

трястись, есть ветер или нет!» и т.п.. Во всех этих конструкциях субъект является своего рода «передающим» звеном, т.к. семантика этих выражений сводится к формуле «О Сила, сделай так, чтобы Б сделал А то-то и то-то (что-то плохое)»³⁴.

При втором подходе проклятие как речевой акт раскладывается на следующие основные элементы:

- Думаю что-то плохое о X
- чувствую что-то плохое по этому поводу
- чувствую плохое по отношению к X
- говорю: хочу, чтобы с X случилось что-то хуже, чем плохое
- представляю, что, говоря, могу стать причиной того, чтобы с X случилось что-то плохое
- говорю это, поскольку хочу показать, что чувствую, думая о X.³⁵

В соответствии с этим подходом главное внимание уделяется формулам типа «Я проклинаю тебя!», «Проклятье тебе» и т.п., в которых субъект является выразителем собственной воли и активным действующим лицом. Вежбицка делает существенное добавление: «Адресант не хочет по-настоящему причинить никакого зла проклинаемому человеку или предмету, несмотря на то, что в данный момент чувствует, что хочет. То, чего он хочет в действительности, это выразить свои эмоции»³⁶.

Думается, что проклятие в инвективе правомерно рассматривать как с первой, так и со второй точки зрения, поскольку одна и вторая описывают по сути различные аспекты, относящиеся к задаче жанра на разных коммуникативных уровнях – проклятие есть и выражение эмоций, и стремление оказать реальное речевое (а на архетипическом уровне – и позаречевое)³⁷ воздействие на адресата. Этим можно объяснить наличие самых разнообразных форм проклятий в инвективе, например:

а) призывание высших сил через высказывание формулы проклятия: «Придет пора - и летопись науки / Предаст тебя проклятью, Герострат» (Неизвестный автор, *Иакову Ростовцеву в день его юбилея, 23 декабря 1856 года*); «И даже в зрелищах твоих кровавых вижу, / Что музы прокляли тебя» (А. Фет, *На развалинах цесарских палат*, 1858); «Przekleństwo na twą głowę, ponury żołdaku – Проклятье на твою голову, мрачный солдафон» (J. Szczawiej, *Pieśń o obronie Warszawy*, 1939);

³⁴ A. Engelking, *Kłątwa. Rzecz o ludowej magii słowa*, Wrocław 2000, s. 224–277.

³⁵ A. Wierzbicka, *English speech act verbs. A semantic dictionary*, Sydney 1987, s. 161–162

³⁶ Там же, с. 163.

³⁷ См.: А. С. Краковяк, *Архетипы сознания литературный жанр...*, с. 93–101.

б) формула «пусть случится то-то и то-то»: «Пусть мохом обрастут твои пороги, / Не знает пусть никто к тебе дороги / И сгинет наконец пусть память самая твоя!» (М. Загоскин, *Triste vale*, 1852); «Niech wieczne przekleństwo ścigać będzie / Naród niemiecki z Hunów poczęty» (J. Gruszczyński, *Klątwa*, 1939–44)

в) императив: «Влачись в пустыне безотрадной / С клеймом проклятья на челе!», (Э.Губер, *На смерть Пушкина*, 1837); «Будь проклят ты, е..... мать!» (Ап. Григорьев, *Прощание с Петербургом*, 1846); «Проклятье вам, ходячие вы гробы!» (С. Синегуб. *Монолог*, 1873–77)

г) формула «я проклиная»: «Проклятьем вечности я проклиная вас...» (А. Богданов, *После боя*, 1906); «Но мне ли медлить? Их и робкую их братью / Карающим стихом я ныне поражу; / На их главу клеймо презренья положу / И обреку проклятью.» (П. Вяземский, *Негодование*, 1820)

В структуре жанра перечисленные мотивы зачастую соединяются в одной и той же инвективе (так, инвектива *К времени* К. Рылеева содержит первый и четвертый мотивы, *На новый 1816 год* Ф. Тютчева – третий и четвертый и т.д.) – они чередуются, повторяются, усиливая эффект согласно принципу амплификации.

3. «Тезис–доказательство–вывод» («обвинение–доказательство–угроза») как составляющие элементы структуры жанра

Как уже было отмечено выше, описанные семантические элементы жанра предстают в отдельных произведениях в разном объеме. Так, номинация может занимать строфу (ср. П. Лавров *Пророчество*, J. Szujski *Do egzaltowanych* и др.), может занимать 99% объема произведения (ср. *Акrostих на Аракчеева* неизвестного автора) или может быть представленной лишь одним словом (ср. «*najeżdźco*» в *17 IX Z. Herberta*, «враги» в *Монолог* С. Синегуба, «бессильный и больной...» в *Природа говорит мне с царственным презрением...* Д. Мережковского и т.п.). Дальнейшее развитие темы, обозначенное выше как «доказательство» (этого термина будет удобно придерживаться и далее), может занимать опять же 99% произведения (ср. *На пятидесятилетний юбилей его превосходительства Н. И. Греча* Н. Добролюбова (1854), *Жрецу эстетики* А. Барыковой (1884) и т.п.) или быть выражено несколькими словами (ср.: «А ты, как леопард, укушенный змеей, / Своих терзаешь, исступленный!» К. Бальмонт, *Ожесточенному*, 1899, «*Znamy was garbarze serc: na portmonetki trzeba wam skóry!*» (Т. Peiper, *Zwyżka dolara w roku 1925*, 1925). Также различен объем угрозы: от лаконичного «Я к тебе никогда не

вернусь» (А. Ахматова, *А, ты думал – я тоже такая...*, 1921) или «А тебе нагайки, / Тебе хлысты мои – на века!» (З. Гиппиус, *Боятся*, 1918) до 100% текста (3 строфы) в *Nietcu, sluchajcie!* J. Okonia (1944), *Падет презренное тиранство* И. Никитина (1857–61). Наконец, каждый из структурных элементов может иметь нулевое выражение. Так, в *Dalem Ci serce* J. Kasprowicza (1887), посвященном жене³⁸, отсутствует номинация (местоимение «ты» никак не определено), в *О, берегись – и жди обиды...* А. Боровиковского отсутствует элемент доказательства (практически все стихотворение построено как угроза-предсказание), в *Псевдопоэту* А. Фета и *Ювенал о древнем Риме* Д. Мережковского – отсутствуют структурно выраженные элементы угрозы.

Тем не менее анализ более 250 текстов польской и русской поэзии XIX–XX века, отнесенных нами к жанру инвективы по перечисленным в начале статьи параметрам, показал, что в подавляющем большинстве произведений наличествуют все три семантические компонента: «Обличение-доказательство-угроза». Приведем несколько примеров.

В инвективе *Do naszych wrogów* (J. Kasprowicz, 1879) обличение «тираны» доказывается посредством императивов, описывающих потенциально возможные, ожидаемые действия адресата:

Rozdzieram serce: chłepccie mą krew!
Gorzka jak piołun, zemstą zatruta,
Jak psy się żrąjcie u moich tczew [...]»³⁹.

а затем заканчивается угрозой-пророчеством: «А obróż nasza będzie rozkuta!»).

В инвективе П. Лаврова *Новому царю. 26 августа 1856 года* после 16-строчной номинации-обличения («Но ты, законный царь покорного народа, / Наследник родовой великого Петра, / Ты, от кого ждала дел правды, дел свободы, / Дел милосердия, дел земского добра / [...]») следует доказательство:

Ты тоже захотел блеснуть пред целым миром,
Восточной роскошью народы ослепить,
Сравниться мишурой с французским лжекумиром
И в пышных празднествах мильоны рассорить.
[и т.д.]

Далее следует угроза истории и порицания потомков:

Во имя истины, во имя человека
Они поставлены свершать свой строгий суд,
И суд тот перейдет к сынам другого века,

³⁸ См.: Jan Kasprowicz, *Utwory...*, s. 759

³⁹ Jan Kasprowicz, *Utwory...*, s. 393.

И правнуки его в истории прочтут [...]»⁴⁰.

Следует также подчеркнуть, что элементы семантической композиции не совпадают с традиционной для лирики триадой «зачин – разработка – концовка»⁴¹, поскольку в произведениях они выступают в самой различной последовательности. Так, *30 июля (Париж) 1830 года* М. Лермонтова (1830) начинается с перечисления деяний адресата («Ты мог быть лучшим королем. / Ты не хотел. Ты полагал / Народ унизить под ярмом, / [...]») с тем, чтобы перейти к обвинению: («О! Чем заплатишь ты, тиран, / За эту праведную кровь, / [...]») и затем – к угрозе грядущего Страшного суда:

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба
И прах свой прежний вид возьмет;
[...].

Далее вновь обличение:

Глупец! Что будешь ты в тот день,
Коль ныне стыд уж над тобой?
Предмет насмешек ада, тень,
Призрак, обманутый судьбой!⁴²

Это вторичное обличение вновь заканчивается угрозой – на этот раз народного суда («Бессмертной раню убит, / Ты обернешь молящий взгляд, / И строй кровавый закричит: / «Он виноват! Он виноват!»»).

Инвектива Н. Клюева *Из «Красной газеты»* (1918) начинается с угрозы («Уж отточены миллионы ножей / На вас [...]»), затем следует обвинение: «гробовые вурдалаки!». Далее следуют серия доказательств, переплетаемых с угрозами и новыми обвинениями:

Вы изгрызли душу народа,
Загадили светлый божий сад,
Не будет ни лады, ни парохода
Для отплытия вашего в гнойный ад [...]⁴³

⁴⁰ Цит. по: *Вольная русская поэзия...*, т. 2, с. 153.

⁴¹ Вопрос о композиции лирического произведения разрабатывался по-разному с 20-х гг. XX века, и предложенная Б. В. Томашевским идея о трехчастном построении, «где в первой части дается тема, во второй она развивается путем боковых мотивов, или оттеняется путем противопоставления, третья же часть дает как бы эмоциональное заключение [...]» (Б. Томашевский, *Теория литературы. Поэтика*, Москва 1996, с. 128), развивавшаяся далее в трудах Л. Я. Гинзбург, В. Е. Холшевникова и др. является далеко не единственным подходом (см., например: Т. Сильман, *Заметки о лирике*, Ленинград 1977, М. Гаспаров, *К анализу композиции лирического стихотворения*, [в:] *Анализ художественного текста (лирическое произведение)*, Москва 2004 и др.).

⁴² Цит. по: *Вольная русская поэзия...*, т. 1, с. 403.

⁴³ Н. Клюев, *Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы*, Санкт-Петербург, 1999, с. 325–327.

Итак, каждый из выявленных константных элементов семантической структуры жанра – «обвинения», «доказательства», «угрозы» может быть использован автором в различном объеме, с различным уровнем акцентированности, в самой различной последовательности. Эта вариативность обуславливает различную расстановку акцентов и отражает различные пути реализации задачи инвективы, однако не меняет генетически обусловленной и общей для разных литератур и литературных эпох семантической структуры жанра.

Если все разнообразие обличений, обвинений, упреков соотносимо со словом «преступник» (существо обвиняемое и одновременно отторгаемое, перешедшее, преступившее некую границу), то обличение как семантический компонент инвективы сводится к формуле: «Ты – преступник». Доказательство в этом случае можно обобщить как следующее утверждение, поясняющее первичный тезис: «Ты совершил / мог совершить такие-то деяния», в то время как вывод–угроза в той или иной форме утверждает: «ты понесешь наказание за свои преступления».

Определяя структуру жанра при помощи методики, разработанной А. Вежбицкой в рамках теории элементарных семантических единиц⁴⁴, приходим к общей формуле:

- ◆ ты – преступник,
- ◆ поскольку ты совершил такие-то деяния,
- ◆ ты будешь за это наказан

Данная структура, уникальная для лирики, является новым подтверждением статуса инвективы как самостоятельного лирического жанра со своей спецификой.

Нетрудно заметить, что элементы семантической структуры инвективы совпадают со структурными элементами обвинительной речи, строящейся по законам риторики: «тезис-доказательство-вывод». Это наблюдение подтверждает интуитивно ощущаемую генетическую связь инвективы с риторикой (недаром дошедшие до нас античные

⁴⁴ См.: А. Wierzbicka, *Dociekania semantyczne*, Wrocław–Warszawa–Kraków, 1969, s. 8–12, 16–17 и др.; А. Wierzbicka, *Kocha, lubi, szanuje: medytacje semantyczne*, Warszawa 1971, s. 15–16; А. Wierzbicka, *Genry mowy [в:] Tekst i zdanie. Zbiór studiów*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1983, s. 129–135 и др.; А. Wierzbicka, *Semantyka...*, s. 71–73 и др.

инвективы – это судебные обличительные речи римских ораторов⁴⁵), однако этот вопрос требует отдельного исследования⁴⁶.

Специфика семантической структуры жанра, выявленная в результате сравнительного анализа его образцов, предстает как уникальная жанровая характеристика, независимая от литературной эпохи, национальных особенностей и творческой индивидуальности того или иного поэта. Эта инвариантная составляющая жанровой структуры является одним из важнейших элементов искомой модели жанра.

ALEKSANDRA KRAKOWIAK

**INVECTIVE AS A LYRICAL GENRE: THE SEMANTIC STRUCTURE
(BASED ON RUSSIAN AND POLISH POETRY OF 19th–20th CENTURIES)**

Summary

The article presents a study on invective as a lyrical genre from the point of view of its semantic structure, based on samples of the genre identified in Russian and Polish poetry of 19th–20th centuries. Comparative analysis of texts allowed to emerge and describe stable semantic structure, which is a unique one amongst other genres; this result confirms status of invective as independent literature genre and contributes to building a model of genre process.

Key words: genre, invective, semantic, structure.

⁴⁵ См., например: Марк Туллий Цицерон, *Инвектива против Гая Саллюстия Криспа*, [в:] *Саллюстий Гай Крисп. Сочинения*, Москва 1981, с. 142–147.

⁴⁶ Этот вопрос рассматривается в том числе в: А. С. Краковяк, *Жанры инвективы и оды в контексте риторической традиции (на материале русской поэзии XVIII–XX вв.)*, [в:] *Русская литература XVIII–XXI вв. Диалог идей и эстетических концепций*, ред. О. Główko і E. Sadzińska (в печати). Следует отметить, что статья не исчерпывает тему, но лишь обозначает некоторые аспекты проблемы и намечает пути дальнейшего изучения.